

УДК 82.091

ДВА ПУТИ: ЭПИГОНСКИЙ И УЧЕНИЧЕСКИЙ
(О КНИГЕ СТИХОВ А. БАЛАШОВА И
В. НАБОКОВА 1918 Г.)

Верина Ульяна Юрьевна,

*к. филол. н., доцент кафедры русской литературы
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь);
e-mail: aprilvox@gmail.com*

В статье характеризуется ситуация, сложившаяся в русской поэзии к 1918 г., когда этап обновления уже был пройден, формировалась новая традиция и возникало явление массовой поэзии. Различение ученичества и эпитонства проводится по критериям влияния и эволюции. Эти и некоторые другие, более частные положения рассматриваются на материале альманаха «Два пути», изданного В. Набоковым и А. Балашовым в 1918 г.

Ключевые слова: *эпитонство и ученичество, А. Балашов и В. Набоков, «Два пути».*

К 1918 г. русской поэзией был уже пройден этап обновления, уже прогремели имена поэтов, составивших ее славу и породивших массу подражателей, что явило такой феномен, как тиражирование новаторства. Массовая поэзия, которую стоит понимать как эпигонскую в смысле наследования и новаторству, и традиции в их изъятости из самого противопоставления «новаторство–традиция», на фоне взлета реформирующих поэзию поисков также, можно сказать, впервые сформировалась в своих отличительных чертах. М. Л. Гаспаров, определяя пути, по которым достижения «ядра мастеров» модернизма воспринимались и распространялись – «присваивались» поэзией, отметил, что «к 1917 г. очертания основных направлений уже настолько расплылись, что все не желавшие прослыть отсталыми одинаково свободно пользовались „символистскими вздохами и футуристскими криками“» [4, с. 7]. В то же время модернизм должен был оставаться в поэзии «в меньшинстве», чтобы выполнять свои собственно обновленческие функции, быть «экзотическим уголком», тогда как большинство, привычный фон, по наблюдению М. Л. Гаспарова, составляли гражданские образцы 1870-х годов и лирические образцы 1880-х годов [4, с. 8], если поименно, то С. Я. Надсон и А. А. Фет. Эти имена называет О. А. Лекманов, предпринявший фронтальное исследование «Русской поэзии в 1913 году» [5]. Эпигоны модернизма, по утверждению О. А. Лекманова, немногочисленные, по утверждению М. Л. Гаспарова – многочисленные, на наш взгляд, вполне отвечают понятию массовой поэзии, еще раз подчеркнем, стоящей вне отношений традиции и новаторства, а потому как минимум не укладывающейся в оппозицию «модернизм – не модернизм».

Открывшийся к 1918 г. переходный этап, воспитывающий генерацию поэтов, впитавших всё новое уже как пройденное, краток, но примечателен. И если поэзия С. Я. Надсона и А. А. Фета была тем фоном, на котором возникал «экзотический уголок» модернизма, то к 1918 г. назвать поименно сильнейшие влияния труднее. «Эпоха Блока и Мандельштама» – так определил период Ю. Иваск.

Дебюты начала XX века составляют своеобразную «карту» влияний. В 1910-х гг. вышли дебютные книги М. Цветаевой (1910), С. Клычкова и Н. Клюева (1911), А. Ахматовой, А. Крученых (1912), О. Мандельштама, В. Маяковского, Н. Асеева (1913). Примечателен 1916 г.,

когда первые книги издали С. Есенин, М. Лозинский, С. Парнок, К. Липскеров, Г. Адамович и В. Набоков. Не все дебюты являются ученическими. А нашей целью будет показать именно то, как в период заката великой поэтической эпохи рождались новые имена: как влияние сильных предшественников или убеждений, или моды, которое с неизбежностью испытывает начинающий поэт, может быть переплавлено в творческое «самостояние».

Рецензенты поэтических дебютов второй половины 1910-х гг. были особо внимательны к влияниям и чужим голосам у начинающих поэтов. Тогда и становилось важным определить литературного учителя: кто и как из символистов, акмеистов воспринят следующим поколением. Во вторичности этой борьбы оставалось немало незамеченных влияний, не называемых в силу инерции считать поэта принадлежащим течению, направлению без остатка, откуда лишь шаг до эпитонства.

В 1916 г. родились многие новые имена, и путь каждого будущего поэта был своеобразен. Лишь эпитоны шли одним общим путем – путем влияния.

Эти два пути символично сошлись в заглавии совместной поэтической книги Андрея Балашова и Владимира Набокова, соучеников по Тенишевскому училищу. Совместные, парные или коллективные стихотворные книги достаточно редки. В основном это книги-манifestы, собрания стихов единомышленников. Тенишевцы же не впервые издавали поэзию «вдвоем». В 1912 г. в издательстве училища вышла книга «Пепел» (отметим «одноименность» с книгой А. Белого), объемом 15 страниц и тиражом 150 экземпляров. Е. Белодубровским упомянут «самодельный тонюсенький поэтический сборник» «Перепутья», изданный шестью тенишевцами в 1913 г.

«Два пути» названы альманахом, в качестве подзаголовка указано: «Стихи». Неизвестно, обсуждали ли соавторы название и вид издания.¹ Литературная энциклопедия 1925 г. поясняет, что объединения «Скорпион», «Гриф» и «Шиповник» выпускали альманахи, в которых публиковались только литературные произведения авторов, принадлежащих к одному направлению, «и слово “альманах” уже постоянно отождествляется со словом “сборник”» [2, стб. 40–43]. Таким образом, вряд ли Андрей Балашов предполагал, что пос-

ледует продолжение, что его приятель вернется, и все будет, как прежде. Скорее, и обозначение «альманах», и заглавие имели объединяющий характер, они призваны были подчеркнуть, что под обложкой не просто стихи Балашова и Набокова, а некая общая идея при различии творческих манер.

Это различие очевидно уже при беглом взгляде и выявляется статистически: подсчетом количества стихотворений и страниц. О. И. Федотов не мог оставить это без внимания, отметив «неуправляемое многословие» А. Балашова. Его 8 стихотворений занимают 19 страниц и насчитывают 458 строк, тогда как набоковские 12 – менее 8 страниц и 172 строки [9, с. 228–229]. Источником такого многословия молодого поэта рецензент называет Н. А. Некрасова, С. Я. Надсона, А. Н. Апухтина, отмечая также частичное влияние А. А. Блока. Показательный набор имен! Возвращаясь к отмеченным М. Л. Гаспаровым и О. А. Лекмановым образцам массовой поэзии начала XX в., мы видим точное «попадание» А. Балашова в сценарий рождения эпигона. Присутствие А. А. Блока является незначительным и более выражено в духе и некоторой модернизации гражданского стиля декадансом (заметим, также уже устаревшим к 1918 г.). Это даже не конкретно А. А. Блок, а общая модернистская поэтическая манера эпохи. Стихотворение «Поэту», открывающее альманах, содержит все клишированные образы и мотивы, которыми сопровождается тема: образ Музы (угадывается по неопределенному обращению «Ты» в начале стихотворения); далекая звезда, зовущая поэта-пророка; поэтическая судьба как тяжкий крест, нищенство, страдания, терновый венец; стихи – песни, которые презирает и не понимает толпа. В части недоговоренности, желающей быть символистской, А. Балашов наследует, скорее, пародированной уже А. С. Пушкиным нарочитой и неумелой таинственности:

*И с тех пор я все счастье познал,
Когда шел своей торной тропой,
Никому я «про то» не сказал.
Я доволен своею судьбой.*

*Та толпа, что смеялась так зло,
Преклонилась пред храмом любви,
Пьедестал мне воздвигла «за то»
И торжеств возжигала огни... [1, с. 4].*

Это юношеское желание петь «*нечто и туманну даль*» лишь условно может быть отнесено к духу символизма, оно вне времени и литературных влияний. Оптимистичен сотканный из расхожих образов финал. И следующее стихотворение «Сон» продолжает предыдущее, начинаясь с «верленовских» образов:

*Плакала осенняя погода,
Падали капли дождя,
В сердце закралась невзгода,
Душу и кровь полоня... [1, с. 6].*

Здесь также поэзия, претенциозно названная «песнью пророка», выступает залогом оптимистического преображения:

*Будут любовь и веселье,
Люди познают надежды,
Соткут из любви ожерелья,
Цветами покроют одежды... [1, с. 6].*

Стихотворение представляет собой конгломерат несоединимых начал: гражданского и символистского. Возможно, это была неудачная попытка автора обратиться вовне, не ограничиваясь картиной собственных переживаний или исчерпав их, а такой выход без риторики и морализаторства труден для начинающего поэта.

«Стихи о России» А. Балашова, несмотря на то, что в переиздании 2013 г. сопровождаются фотографией А. Блока на полях, все же снова равноправно принадлежат двум заимствованным традициям. «Веселая, пьяная Русь», с которой рифмуется «грусть», – бедная, нищая, крестьянская, избяная, покрытая снегом, – от А. Блока наследует отождествление с женой. И здесь вновь перед нами пример эпигонского снижения сильного образа. А. Блок восклицает:

«О, Русь моя! Жена моя!», – это сказано так, как можно сказать в стихах лишь однажды; А. Балашов, воспринимая образ «Русь – жена» уже готовым, не может сделать его основой собственного стихотворения, и этот образ становится частью другого – неотчетливого, недосказанного.

Стихотворение «Две жизни», закономерно следующее за «Стихами о России», – это еще один пример эпигонства, когда однажды побывавшее на вершине художественного мастерства новаторство уходит из исторических условий своего естественного бытования. Так, тема трагической судьбы женщины из образцов, созданных Н. А. Некрасовым, перешла в арсенал демократической поэзии 1870–1880-х гг., а затем и в массовую поэзию («Швейка» И. З. Сурикова, «У кабака» А. П. Барыковой и мн. др.). У А. Балашова находим уже итог вырождения темы к 1918 г. в подобие жестокого романса:

*...Работают мысли, но выхода нету,
И нет для продажи вещей.
Решилась... Она изменяет обету,
Ведь тело осталось у ней [1, с. 10].*

Это наиболее трогательное в своей беспомощности стихотворение, а следующее – «Смерть человека» – становится переходными к более камерной любовной теме. А. Балашов выстроил структуру своей части книги в соответствии с тематическим принципом, безнадежно устаревшим уже к началу XX в.: «программные», гражданские стихи, а затем – собственно лирические переживания. Любовная тема решается А. Балашовым в более чем традиционном ключе: покрывало ночи, река, луна, песнь любви, глаза, руки, плечи, предраассветная мгла, слезы (так и хочется заключить этот безглагольный перечень словами «И заря, заря!...»). В отношении таких стихов, видимо, нельзя говорить об эпигонстве, поскольку нелегко найти предшествующий высокий образец, а также невозможно утверждать, что тема с сопутствующими ей образами изжила себя позднее. Избыток эпитетов-клише («томная ночь», «далекие надежды», «страстный зов», «тихие зарницы», «лунный блеск» и др.) делает стихотворение безликим. Чуткость и требова-

тельность в выборе образного слова в стихе, пусть даже и сопряженном с оригинальничаньем, отличает ученическую поэзию от эпигонской. Инерцию и заданность любовного стихотворения А. Балашова не спасают ни «бальмонтовские» эпитеты (их всего два – «сладко-томный» и «протяжно-звонкий»), ни единственный собственный («узорные ресницы»).

Нельзя сказать, что юношеская поэзия В. Набокова, которую мы хотим противопоставить опытам А. Балашова, отличается безукоризненным и особо тщательным отношением к слову, что в наибольшей степени характеризует его зрелый стиль. Сам автор с высоты достигнутого мастерства отозвался о своих стихах 1916 г. именно с этих позиций: «Недалеко я ходил за эпитетами в те дни!». И все же в ранних стихах В. Набокова видно понимание особой концентрированности поэтической речи, специфической функции слова в стихе.

Насколько стремительной была эволюция В. Набокова-поэта, можно судить не только в сравнении ранних публикаций от 1914 к 1918 г. Качественное изменение заметно уже на протяжении одной дебютной книги 1916 г., которая представляет собой целостность, задуманную и выстроенную автором эпически. Стихи «взрослеют» вместе с поэтом, и, что особенно важно, ход времени, изменение героя и его мировоззрения, а значит, и стиля, являются композиционным замыслом. В. Старк назвал 68 стихотворений книги одним любовным циклом [8, с. IV], М. Маликова отметила строение «по календарному принципу» и «топографию любовного романа (усадьба – город)...» [6, с. 8]. Уточним: это цикл с «романным содержанием», неоднородный внутри себя, не исчерпывающийся календарным принципом и распадающийся на несколько частей. Композиционные части книги таковы: 27 «календарных» стихотворений составляют год от весны до зимы, от восторга рождения чувства до его умирания. Следующие 17 стихотворений составляют «элегическую» часть, где сон, тени, призраки, кладбище, виденья, грезы заменяют прежний яркий зримый мир природы и – что немаловажно – осознаются молодым поэтом в русле литературных традиций. Переходным к новому этапу лирического чувства является стихотворение «В ту ночь я только мог рыдать от наслажденья...» (45-е в книге),

а следующее за ним – единственное повествует не о любви, а о жестоким и враждебном внешнем мире («Окутали город осенние боги...»). Далее, с исчезновением конкретных деталей (с утратой яркости восприятия) и превращением образов в отвлеченные атрибуты (незабудка уже не знак лета, а цветок из городского ромansa; девушка в белом – девушка вообще и т.д.), непродолжительно, в семи стихотворениях, устанавливается, условно говоря, «декадентское» мироощущение. Возвращение мира природы возвещает и оптимизм: первое в этом ряду стихотворение «Бывало, в лазури бегут облака...», а три заключительных «Я стремлюсь всеми силами к счастью...», «Летний день» и «Жду на твоём пороге, в грядущем грезой рея...» не только представляют собой светлый по настроению финал любовной истории, но и демонстрируют изменившуюся манеру повзрослевшего стихотворца. Замысел книги настолько ясен, эволюция стиля настолько очевидна, заглавие «Стихи» настолько безлично, ощущение литературной подоплеки самим автором до такой степени не вызывает сомнения, что возникает ощущение деланного ученичества и наигранной пошлости. Хотя это, скорее всего, не так, и начинающий поэт В. Набоков лишь опробовал разные манеры в поисках своей собственной, «проходя», как прилежный ученик, все ступени школы.

А разнообразных поэтических отзвуков в книге 1916 г. немало, и это, подчеркнем, несмотря на то, что «юный Набоков жадно поглощал символистскую поэзию» и «считал Александра Блока величайшим русским поэтом своего времени» [3, с. 115]. Его влияние скрыто, и некоторые исследователи даже полагают, что «по тематике, образности, настроению стихов, вошедших в сборник 1916 г. „Стихи“, трудно судить о том, что кумир поэтической молодежи XX века Блок как-то повлиял на семнадцатилетнего Набокова» [10, с. 287].

Тем не менее, А. Блок слышен с первых «весенних» стихов («В церкви»). Если представить себе книгу как лирический дневник, в который поэт вписывал, по собственному признанию, по два-три стихотворения в день, то можно увидеть в «Стихах» 1916 г. подлинное свидетельство меняющихся вкусов, настроений и влияний, испытанных В. Набоковым. Ценность такого свидетельства тем выше, чем больше принимать во внимание позднейшее настойчивое желание писателя не признавать периода ученичества.

Отдал дань юный В. Набоков и мотиву свидания в лодке, правда, не при луне и лишь с намеком на взаимность: «*Почти* недвижна наша лодка», «Твоя рука в моей *грустит*» (курсив наш. – У. В.) [7, с. 7]. Заключительная рифма «вновь – любовь» также не делает чести начинающему стихотворцу. Однако в этом стихотворении поэт словно пробует свои силы в поисках «одушевлений»: колокол смеется, печаль улыбнется, – он осваивает прием.

«Жестокая», «декадентская» часть книги в наибольшей степени сближает В. Набокова и А. Балашова. Одно из стихотворений, именно то самое единственное не о любви в книге 1916 г. – чрезвычайно объединяет соавторов «Двух путей»:

*Окутали город осенние боги
Своей паутиной сырой;
Гляделись фонарики в лужи дороги;
Я с праздника ехал домой... [1].*

У А. Балашова:

*Бал в полном разгаре, веселье и шутки,
Из дамских нарядов красивый букет,
За окнами темно и сумерки жутки,
Дворец, словно факел, огнями одет... [1, с. 9].*

Несмотря на то, что у В. Набокова даже в 1916 г. не было так много версификационных оплошностей, как у А. Балашова, эти два стихотворения созданы в близкой стилистике. Близки они и несовершенством («Нагнулась *та* женщина к бедной собаке; // *Дух* ночи две тени сливал; // Несчастливая взором терялась во мраке, // А песик ей руку лизал...»). Заметная разница состоит в том, что А. Балашов пишет массовый городской романс:

*Позор и несчастье затеплили свечи,
Ограбивши жизнь как тать.*

*Шептала осина какие-то речи,
На сучьях качалась мать... [1],*

а В. Набоков – посредственное декадентское стихотворение:

*Остались уколы той встречи случайной;
Остались в душе навсегда
Какая-то горечь, какая-то тайна,
Какая-то к миру вражда... [1].*

Разница между поэтами также и в том, что в набоковской части «Двух путей» и следа не осталось от «жестоких» страданий, а социальная тема и не была ему близка. В книге 1918 г. В. Набоков уже таков, каким только становился в «Стихах» 1916 г. В. Старк замечает: «Заключительные строки стихотворения „Я стремлюсь всеми силами к счастью...“ уже в полной мере выявляют будущего Набокова, разрешая в знакомых нам образах ведущие мотивы его творчества:

*Ты пойми... Разглядеть я стараюсь
Очертания рая во мгле,
Но к заветным цветам устремляюсь,
Как пчела на оконном стекле» [8].*

За этим следует эксперимент «Летнего дня» (неравносложный рифмованный стих, записанный в строку, похожий на подстрочный перевод). Единственный в книге и предпоследний в ней, он, по нашему мнению, является еще одним свидетельством ученических поисков В. Набокова.

В публикации 1918 г. присутствует стихотворение, с которым В. Набоков связал пробуждение в себе поэта:

*Дождь пролетел и сгорел на лету.
Иду по румяной дорожке.
Иволги свищут, рябины в цвету,
Белеют на ивах сережки... [1, с. 22].*

Это стихотворение стало представлять для читателей юношескую поэзию В. Набокова. Сам автор отвел ему эту почетную роль, описав рождение первого стихотворения в «Других берегах». Но не потому, что оно было первым, а возможно, потому что оно наиболее свободно от следов влияний, так беспокоивших В. Набокова.

М. Маликова пишет: «Сборник 1916 года кладет начало характерной черте поэтики Набокова, которую В. Ходасевич, применительно к Пушкину, назвал „бережливостью“, а Клэрэнс Браун в статье о Набокове – „повторяемостью“. Он многократно использует один и тот же образ» [6, с. 9]. Из книги 1916 г. и стихотворения «Дождь пролетел...» 1918 г. в более зрелую поэзию В. Набокова вошел эпитет «румяный», на примере которого можно видеть, как найденное ученическое слово перерастает в образ. Эпитет использовался В. Набоковым вплоть до стихотворения 1935 г. «На закате». Долгая жизнь образного слова в поэзии говорит о небесплодности его появления в раннем стихе.

«Недалеко я ходил за эпитетами в те дни!» – сказал о своем ученичестве В. Набоков в 1945 г. Возможно. Но «румяная дорожка» юного В. Набокова привела его в литературу (следующая книга его стихов называлась «Горний путь»), тогда как «торная тропа» А. Балашова («Поэту») стала его путем в неизвестность.

Примечания

¹ По мнению М.Э. Маликовой, «публикацию задержала революция...» [6, с. 10], значит, подразумевается, что соавторы готовили ее все же вместе. Из такого небольшого замечания трудно сделать серьезный вывод.

Список использованных источников

1. Балашов А. Н. Два пути. Альманах: стихи / Андрей Балашов и В. В. Набоков; изд. подгот. Е. Б. Белодубровский. СПб.: Реноме, 2013. 52 с.
2. Богоявленский Л. Альманах // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. А–П.

3. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / пер. с англ. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. 696 с.
4. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. М.: Наука, 1993. С. 5–44.
5. Лекманов О. Русская поэзия в 1913 году. Часть первая // НЛЮ. 2013. № 1 (119). С. 140–174.
6. Маликова М. Забытый поэт // В. В. Набоков. Стихотворения / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. М. Э. Маликовой. («Новая библиотека поэта»). СПб.: Академический проект, 2002. С. 5–55.
7. Набоков В. Стихи. СПб., 1997. (Репринт издания 1916 г.).
8. Старк В. Предисловие // Набоков В. Стихи. СПб., 1997. (Репринт издания 1916 г.).
9. Федотов О. И. Два пути // Нева. 2013. № 10. С. 227–231. Рец. на кн.: Андрей Балашов и В. В. Набоков. Два пути. Альманах: стихи. СПб., 2013.
10. Шадурский В. В. А. Блок в художественном мире В. Набокова // Александр Блок и мировая культура. Вел. Новгород, 2000. С. 256–287.

TWO WAYS: EPIGONIC AND APPRENTICESHIP'S
(ABOUT THE BOOK OF POEMS
OF A. BALASHOV AND V. NABOKOV OF 1918)

Verina Ulyana Jur'evna

Candidate of Philology,

docent, chair of the Russian literature,

Philological Department, Belarusian State University

(Minsk, Republic of Belarus);

e-mail: verinal4@rambler.ru.

The article characterized the situation in Russian poetry in 1918, when the update step has been passed, a new tradition was formed and there is a phenomenon of mass poetry. The distinction between apprenticeship and epigonism conducted according to the criteria of influence and evolution. These and other more specific provisions are material to the almanac «Two Paths», published by V. Nabokov and A. Balashov in 1918.

Keywords: *epigonism and apprenticeship, A. Balashov and V. Nabokov, «Two Paths».*

References

1. Balashov A. N. Dva puti [Two Path]. Almanac: verses / Andrej Balashov i V.V. Nabokov; edition prepared by E.B. Belodubrovskij. St. Petersburg, Renome, 2013. 52 p.

2. Bogojavlenskij L. Al'manah [Almanac] // Literaturnaja enciklopedija: Slovar' literaturnyh terminov: v 2 t. [The Literary encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vol.]. Moscow; Leningrad, L. D. Frenkel' publishing, 1925. Vol. 1.

3. Bojd B. Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografija [Vladimir Nabokov: Russian years: Biography] / translation from English. St. Petersburg: «Simpozium» publishing, 2010. 696 p.

4. Gasparov M. L. Pojetika «serebrjanogo veka» [The poetics of the «Silver Age»] // Russkaja poezija serebrjanogo veka. 1890–1917. Antologija [Russian poetry of the «Silver Age». 1890—1917. Antology]. Moscow, Nauka, 1993. Pp. 5–44.

5. Lekmanov O. Russkaja poezija v 1913 godu. Chast' pervaja [Russian poetry in the 1913. Part one] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2013. № 1 (119). Pp. 140–174.

6. Malikova M. Zabytyj poet [Forgotten poet] // V. V. Nabokov. Stihotvorenija [V.V. Nabokov. Verses]. («Novaja biblioteka pojeta» [«The new library of the poet»]). St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 2002. Pp. 5–55.

7. Nabokov V. Stihi [Verses]. St. Petersburg, 1997. (Reprint edition 1916).

8. Stark V. Predislovie [Preface] // Nabokov V. Stihi [Nabokov V. Verses]. St. Petersburg, 1997. (Reprint edition 1916).

9. Fedotov O. I. Dva puti [Two Path] // Neva [Neva]. 2013. № 10. Pp. 227–231. Book review: Andrej Balashov i V.V. Nabokov. Dva puti. Al'manah: stihi. SPb., 2013.

10. Shadurskij V. V. A. Blok v hudozhestvennom mire V. Nabokova [A. Blok in the artistic world of V. Nabokov] // Aleksandr Blok i mirovaja kul'tura [Alexander Blok and World Culture]. Vel. Novgorod, 2000. Pp. 256–287.